

INSPIRIA

Арто

Очаровательное
массовое
самоубийство

INSPIRIA

Арто Паасилинна
Очаровательное
массовое самоубийство
Серия «Loft.Смешная
Лапландия Арто Паасилинны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68731554

Очаровательное массовое самоубийство:

ISBN 978-5-04-180061-1

Аннотация

«ДУМАЕШЬ О САМОУБИЙСТВЕ?»

Не волнуйся, ты не одинок. Нас много, с теми же мыслями и даже кое-каким опытом. Коротко напиши о себе и своей ситуации, может быть, мы сумеем тебе помочь. Укажи в письме свое имя и адрес, мы с тобой свяжемся. Сведения обрабатываются в режиме строгой конфиденциальности и не передаются посторонним. Искателей приключений просьба не беспокоиться. Письма оставляйте на главном почтамте Хельсинки до востребования с пометкой "Попробуем вместе"».

Именно такое объявление размещают в финской газете двое незадачливых самоубийц, решивших найти единомышленников и подойти к организации дела с финской практичностью. Вскоре желающих вступить в «клуб по интересам» набивается целый

автобус, – очень кстати, ведь столько всего нужно продумать и спланировать. Главное в бурном процессе подготовки массового самоубийства – не начать случайно наслаждаться жизнью, а то так и передумать недолго.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Арто Паасилинна

Очаровательное массовое самоубийство

Arto Paasilinna

HURMAAVA JOUKKOITSEMURHA

Copyright © The Estate of Arto Paasilinna

First published in Finnish with the original title Hurmaava
joukkoitsemurha

by Werner Söderström Ltd. (WSOY) in 1990, Helsinki,
Finland.

Published in the Russian language by arrangement with
Bonnier Rights, Helsinki, Finland and Banke, Goumen &
Smirnova Literary Agency, Malmö, Sweden.

© Воронкова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2023

Часть первая

В этой жизни самое важное дело – смерть, да и она не так уж важна.

Народная мудрость

Глава 1

Самый страшный враг финнов – безнадежность, грусть, беспричинная бездонная апатия. Меланхолия витает над несчастным народом, тысячи лет держит его в подчинении, поэтому душа его мрачна и серьезна. Власть печали так сильна, что многие финны начинают видеть в смерти свое единственное спасение. Черная меланхолия – более жестокий и беспощадный враг, чем даже Советская власть. Но финны, несмотря ни на что, остаются воинственным народом, они никогда не сдаются, раз за разом поднимая восстания против террора. Для финнов день Ивана Купалы, этот летний праздник света и радости, – своего рода массовая битва, в которой они общими усилиями пытаются победить щемящую тоску. В канун праздника мобилизуется вся нация: не только воинственные мужчины, но и женщины, дети, старики спешат на фронт. На берегах тысячи озер вспыхивает бесчисленное множество костров, взмывают ввысь сине-бе-

лые военные флаги. Пять миллионов финских воинов подкрепляются перед битвой жирными колбасками и жареными свинными ребрышками. Без колебаний опрокидывают стопку для храбрости и под звуки гармошки отправляются мериться силами с тоской, всю ночь без усталости побеждая ее в неравном бою. В предвкушении близкого боя поколения объединяются, женщины становятся матерями. Смелые лодочники, покоряющие водные просторы, гибнут в озерах и морских заливах. Десятки тысяч людей обоего пола без вести пропадают в ольшаниках и зарослях крапивы. Сколько совершается героических подвигов, какое самоотверженное мужество проявляет народ! И вот радость и счастье одерживают победу, тяжелые мысли улетаются прочь, народ наслаждается по праву завоеванной, единственной в году ночью свободы. Мрачный, безжалостный угнетатель сломлен.

Утро после ночи Ивана Купалы на берегу озера Хумалаярви ¹ в Хяме. В воздухе еще носился запах дыма от ночного сражения: вчера был канун праздника, и повсюду разжигали костры. Ласточка с раскрытым клювом носилась над озером, охотясь на комаров. Погода была ясная, безветренная. Люди еще спали, только у птиц были силы петь. Одиноким мужчина сидел на крыльце своего домика в Хяме с неоткрытой бутылкой пива в руке. Звали его Онни Релонен, ему было под пятьдесят, на лице – глубокая печаль. Рело-

---

¹ Хумалаярви – «пьяное озеро».

нен не принадлежал к толпе вчерашних ночных победителей. Он был тяжело ранен, и не существовало такого полевого госпиталя, где его разбитому сердцу могли бы оказать первую помощь. Худощавый, среднего роста, уши немного крупноваты, нос длинный, с красным кончиком. Одет он был в летнюю рубашку с короткими рукавами и бархатные брюки. По этому человеку было видно, что раньше в нем кипела мощная сила, кипела, но иссякла. Теперь же это был усталый, побежденный, побитый жизнью мужчина. Морщины и редеющие волосы на голове красноречиво свидетельствовали о его постоянных поражениях в битвах с жестокостью и скоротечностью бытия. Желудок Онни Релонена вот уже лет десять страдал от изжоги, и в складках кишок зарождался катар. Суставы были в порядке, мышцы тоже, если не считать их растущей дряблости. Сердце же Онни Релонена страдало ожирением и тяжело стучало в груди. Оно стало бременем для тела, утратив функции хранителя жизни. У Релонена были причины бояться, что сердце однажды остановится, парализует тело, заставит хозяина тщетно алкать жизненных соков и предаст смерти. Вот чем оплатит усталый орган человеку, доверявшему своему сердцу с самого рождения. Пропусти сердце хотя бы сто ударов, всему пришел бы конец. Ничего бы уже не значили для Онни Релонена все прежние миллиарды сокращений сердечной мышцы. Такова смерть. Она унесла жизни тысяч финских мужчин. И никто не возвращался, чтобы рассказать, каково это – умереть.

Весной Онни Релонен начал красить облупившиеся стены своего домика, но работу так и не закончил. Банка с краской стояла рядом с домом, из нее торчала засохшая кисть. Онни Релонен был бизнесменом, его даже называли директором. У него за плечами остались трудовые годы, бурное начало, успех, толпа подчиненных, бухгалтерия, деньги, фирма. Когда-то в молодости он был рабочим, а в шестидесятые годы стал хозяином небольшой фабрики по производству металлических пластин. Ценовая политика и алчные конкуренты привели к банкротству его фирму «Металлические покрытия и карнизы Релонена». Затем он стал хозяином автоматической прачечной. То был своего рода раритет: почти каждая финская семья уже обзавелась стиральной машиной, а те, у кого ее не было, не придавали стирке большого значения. Крупные отели и шведские корабли не обращались к Релонену с просьбами о стирке, а сети местных прачечных то и дело уводили клиентов у него из-под носа. Заказы распределялись за закрытыми дверями. Очередное банкротство грянуло весной. С того момента Онни Релонен погрузился в глубокую депрессию. Дети его уже выросли, брак балансировал на грани развода. Если Онни и начинал вдруг воодушевленно строить планы на будущее и делиться своими идеями с женой, та его не поддерживала:

«Угу», – таков был ее неизменный и единственный комментарий. Не ответ, не поддержка – ничто.

И жизнь, и бизнес – все безнадежно. Онни Релонен с зи-

мы вынашивал мысль о самоубийстве. Она посещала его и раньше. Желание жить покидало его и раньше. Он бы еще весной, после банкротства прачечной, наложил на себя руки, но как-то сил тогда не было. И вот настал Иванов день. Жена была в городе – сказала, что не хочет портить себе праздник, сидя в деревне рядом с угрюмым мужем. Одинокий вечер, без костра, без друзей, без будущего. Никакой радости для несчастного. Онни Релонен, поставив бутылку на ступеньки, вошел в дом, вытащил револьвер из прикроватной тумбочки, зарядил и положил в карман бархатных брюк. «Ну, вот и все», – грустно, но решительно подумал Онни. Первый раз за долгое время он снова чувствовал, что вот-вот что-то сделает, причем сделает нечто важное. Пришло время поставить точку в этом убогом и тихом существовании. Жирную точку как финал всей жизни, а вернее – оглушительный восклицательный знак! Онни Релонен отправился бродить по деревенским окрестностям Хяме. Равнодушно внимая птичьему хору, он шел по песчаной проселочной дороге мимо соседних домов, через огороды, оставил позади мельницу, хлев и чей-то хутор. За леском простиралось еще одно поле. Онни вспомнил, что на краю леса когда-то стоял старый обветшалый сарай. Там можно и застрелиться. Это тихое место как раз подходило для того, чтобы закончить все именно там. Может, надо было оставить дома на столе прощальное письмо? Но что написать? «Прощайте, дорогие дети, попытайтесь пережить это, отец принял решение...»? «Не укоряй

меня, жена»? Онни Релонен представил реакцию супруги, читающей его прощальные слова.

«Угу», – вот и все, что она скажет.

В поле пахло травой, крестьянин только что скосил кормовые побеги. Деревенские жители работают и в канун праздника – коровы обязывают. Шмели жужжали, ласточки кружили над старым сараем. На озере кричали чайки. Онни Релонен с холодеющим сердцем подходил к старому серому сооружению, которое годилось теперь только для того, чтобы свести в нем счеты с жизнью. Оно становилось все ближе, похоже было, что жизнь закончится быстрее, чем он думал. Онни Релонен не смог сразу войти в распахнутые двери сарая. Они поджидали его, словно черная разверстая пасть ада. Он стал оттягивать решающий момент, обошел вокруг дома, как раненый зверь, который хочет убедиться в правильности выбора места своего последнего приюта. Заглянул внутрь через щель между гнилыми досками. Ужасно. Но решение было принято, осталось обойти сарай, войти внутрь, выстрелить и упасть в объятия смерти... Одно движение курка, последнее усилие – и сальто сделано, финальное сальто от жизни к смерти. Релонен вздрогнул. В сарае кто-то был! Между досок мелькнуло что-то серое, послышалось тяжелое сопение. Олень? Человек? Усталое сердце Онни Релонена затрепетало от счастья. Нельзя убивать себя в сарае, где находится какое-то животное или, что еще хуже, человек! Нет! Это как-то некрасиво. В сарае действительно был человек. Рос-

лый мужчина в серой военной форме, поднявшись на кучу сена, привязывал к балке веревку. Вскоре ему это удалось. Мужчина стоял боком к Релонену. Рассмотрев его, Онни догадался, что перед ним офицер – на штанах желтые лампасы. Мундир расстегнут, на петлицах по три звезды. Полковник. Онни Релонен не сразу понял, что полковник делал в старом сарае утром Иванова дня и для чего привязывал к балке веревку. Но когда незнакомец принялся завязывать петлю на другом конце веревки, его намерения стали абсолютно ясны. Вербка была скользкая, нейлоновая, и петля никак не завязывалась. Полковник глухо ворчал, очевидно, ругался. Его ноги дрожали, это было заметно по трясущимся лампасам. Наконец полковник кое-как сделал петлю и надел ее себе на шею. Он был без головного убора. Солдат без фуражки – плохой знак. Так он собирался покончить с собой! Боже... «Да, мир тесен», – подумал Онни Релонен. В одном и том же сарае, в одно и то же время встретились два финна, чтобы проверить одно и то же страшное дело. Онни Релонен, кинувшись к двери, крикнул полковнику:

– Бросьте вы это, господин полковник!

Офицер перепугался до смерти. Он покачнулся, петля на его шее затянулась, и он повис на веревке и наверняка бы погиб, если бы Онни не подоспел вовремя. Релонен схватил полковника, перерезал веревку и успокаивающе похлопал неудавшегося самоубийцу по спине. Лицо висельника было потным и синим – веревка успела сильно сдавить ему

горло. Онни Релонен снял веревку с шеи несчастного и усадил его на ступени сарая. Мужчина перевел дыхание, потеряв шею. На ней осталась красная полоска – душа едва не покинула тело. Какое-то время они сидели молча. Затем полковник встал, протянул руку и представился:

– Кемпайнен. Полковник Герман Кемпайнен.

– Онни Релонен. Рад знакомству.

Полковник ответил, что ему не до радости. Все плохо. Он выразил надежду, что спаситель никому не расскажет о случившемся.

– Кому какое дело? Всякое бывает, – пообещав молчать, бросил Онни Релонен. – Честно говоря, я с тем же сюда пришел, – добавил он и вытащил револьвер.

Полковник долго смотрел на заряженное оружие, прежде чем понял: он в этом мире не одинок.

Глава 2

Случайное совпадение спасло жизнь двум сильным мужчинам. И Онни Релонен, и Герман Кемпайнен случайно выбрали своим последним пристанищем один и тот же сарай и попали туда в одно и то же время. Они помешали друг другу, и это предотвратило два самоубийства. Пришлось отказаться от задуманного, что они и сделали – единодушно. Мужчины закурили, вдохнув первые глотки вновь обретенной жизни. Релонен предложил прогуляться к его дому – других планов у них все равно вроде как не было. Он рассказал полковнику о своей жизни, об обстоятельствах, которые подтолкнули его к страшному решению. Полковник слушал с участием. Он тоже поведал о своей судьбе. И его дела, как оказалось, шли не лучшим образом. Кемпайнен раньше был командиром бригады в Восточной Финляндии, но потом его перевели в штаб помощником пехотного проверяющего, такой своеобразный карантин. Особой работы у него не было, бригады тоже. Его вообще не принимали за действующего офицера, никак его не использовали. Он был словно дипломат, которого вернули из-за границы домой: за тобой сохраняют звание и зарплату, а больше – ничего. Впрочем, солдат от такого перемещения по службе не расстроится настолько, чтобы повеситься. Проблема была в другом: зимой жена Кемпайнена умерла от рака. Это его подкосило, он до

сих пор не мог поверить в случившееся. Все вдруг потеряло смысл. Дом пуст, детей не завели, даже собаки – и той не имели. Одиночество буквально убивало, он не мог ни о чем думать. Особенно тяжело было ночью – полковник месяцами не мог спать. Даже алкоголь не помогал. Любимая жена... это он понял только после ее смерти. Жизнь потеряла всякий смысл. Вот если бы началась война или вспыхнуло какое-нибудь восстание... Но международная ситуация в последние годы способствовала укреплению мирных связей. Это, конечно, хорошо, но для профессионального военного чревато безработицей. Даже у современной молодежи не было желания восставать против правящего порядка. Сегодняшняя финская молодежь включилась в социальную борьбу, расписывая непристойными граффити стены здания вокзала. Ни для руководства, ни для подавления подобных восстаний полковники не нужны. Этому миру уже не нужны офицеры, и уж тем более сорвавшиеся с карьерной лестницы полковники. Престиж военных за последние годы упал. Гражданских служащих все глядят по головке, а старых, прошедших строгую школу солдат публично обесценивают. Заставишь дерзкого новобранца слушаться – тебя тут же обвинят в муштре. Но эти борцы за права человека не понимают одного: солдата, который на войне не подчиняется приказам, враг убьет, а труп за воротник – и в общую могилу. Полковник Кемпайнен сказал, что профессия военного выпила из него все соки. Солдаты все время готовятся к войне:

тренируются на сборах, организуют боевые учения, оттачивают навыки стрельбы. Их гоняют до седьмого пота, делая из них опасных убийц.

— Если меня сравнить с ученым, занимающимся научной работой, я бы, наверное, был уже доктором наук в сфере убийств. Но это искусство никогда не удастся применить на практике, ведь мы живем во времена всеобщего мира. Я как художник, который всю жизнь учился, стремясь добиться совершенства, одну за другой писал картины и наконец стал настоящим мастером. Только он никогда не сможет представить на выставке ни одну из своих работ. Безработный офицер — это выдающийся художник, которому отказано в праве провести выставку своих работ.

Полковник рассказал, что вчера специально приехал из Хельсинки в родной Ювяскюля. Но накануне праздника ему вдруг стало так тяжело, что он свернул на проселочную дорогу в Хяме, забрался в старый сарай и всю ночь пролежал рядом с гнилой косой. С берега до него доносились веселые крики людей. Под утро полковник спустился к озеру, оторвал на причале кусок каната и вернулся на сеновал. Возвращаясь, он вдруг почувствовал сильную боль в правом виске, как будто там лопнул сосуд. Его охватило пьянящее чувство освобождения! Какая удача — умереть летом на природе естественной смертью. Кровоизлияние в мозг — вот подходящая смерть для офицера в мирное время. У полковника даже закружилась голова, и он упал на колени посреди поля

в надежде, что смерть скоро примет его в свои объятия.

Кемпайнен потер висок: лопнув, сосуд запачкал кровью кожу. Черт возьми! На пальцах оказалась не кровь, а какая-то белая вонючая масса. И тут он понял, что никакого кровоизлияния у него не было. Виновицей оказалась кружившая в небе чайка. Разочарованный и обиженный, полковник поднялся с земли, умылся из ручья и в еще более мрачном расположении духа, поплелся на сеновал. Отдохнув немного, он взобрался на кучу сена и стал прилаживать к потолку веревку, чтобы повеситься. Но и тут ничего не вышло: неожиданно появившийся Релонен помешал ему в самый ответственный момент. Мужчины поняли, что с этого дня самоубийство утратило для них свою прелесть. Азарт смерти спал, улетучился. Самоубийство – это все-таки сугубо личное дело, оно требует полного покоя. Некоторые иностранцы, может, и совершают публичные самосожжения – демонстративно, из политических или религиозных побуждений, но финну для самоубийства публика не нужна. В этом они оба оказались единодушны. За оживленной беседой мужчины не заметили, как подошли к дому Релонена. Выяснилось, что Онни, одержимый бурными эмоциями, забыл запереть дверь. Бывает, человек выбегает из дома в порыве бурных эмоций, оставляя всю свою собственность на растерзание вора. Релонен угостил полковника парой бутербродов и пивом, а потом они отправились топить сауну. Кемпайнен носил воду с озера, Релонен – дрова из сарая. К середине дня

сауна была готова. Мужчины как следует хлестали себя венниками, казалось, на то у них теперь появилась особая причина – словами не объяснить. Им хотелось навсегда выбить из кожи прежнюю жизнь. Тела очистились, и на душе полегчало.

– В жизни так хорошо не парился, – похвалил полковник.

Сидя на террасе, они продолжили разговор на тему дня. Побратались. Поведали друг другу такое, о чем никогда раньше не рассказывали ни одному смертному. Попытка самоубийства сближает сынов человеческих. Новые друзья откопали друг в друге массу достоинств, о существовании которых у себя прежде и не подозревали. Вскоре им уже казалось, что они знакомы сто лет. Время от времени ходили купаться. Купание бодрило. Как чудесно все-таки жить! Они купались в переливающейся в свете лучей Иванова дня воде, и мир им уже казался вполне сносным местом. Зачем было так торопиться его покинуть? Вечером у камина друзья приняли по рюмочке коньяка. Полковник принес бутылку из багажника своей машины, припаркованной за сараем. Он так и оставил мотор работать, как будто и не собирался умирать.

Кемпайнен, подняв бокал, произнес:

– Все-таки, Онни, хорошо, что ты забрел на тот сеновал в самый... ответственный момент.

– Да... благодаря этому мы оба остались в живых. А вот если б я опоздал или выбрал какой-нибудь другой сарай, были бы мы сейчас покойниками. Ты болтался бы на веревке,

а я бы размоzzил себе голову.

Полковник оценивающе взглянул на голову Релонена.

– Уродливый бы вышел труп, – задумчиво произнес он.

Да и рослый офицер, болтающийся на веревке, по мнению Релонена, выглядел бы не очень.

Кемпайнен заявил, что случившееся было удивительным совпадением, таким же редким, с точки зрения теории вероятностей, как выигрыш в лотерею. Мужчины порассуждали, насколько велика вероятность того, чтобы два человека решили покончить с жизнью в одном сарае в одно и то же время. Если бы они затеяли самоубийство где-нибудь в Похьянмаа ², их вряд ли что-нибудь могло спасти. Ведь в Похьянмаа, куда ни глянь – бескрайние поля, и там сотни, тысячи таких сараев. Хватит на сто человек, чтобы повеситься или застрелиться, и никто тебе не помешает. Рассуждали они также о том, что заставляет человека для самоубийства покинуть дом. И почему люди ищут для этого какое-нибудь укромное местечко вроде старого сарая? Может, человек так устроен, что бессознательно не хочет грязи в собственном доме? Ведь смерть – не самое красивое, не самое чистое событие. И в то же время самоубийца пытается найти такой уголок, чтобы труп, пусть изуродованный, не остался под открытым небом, где хлещут дожди и гадят птицы.

---

² Похьянмаа – Западная часть Финляндии. Считается, что жители Похьянмаа горячие, предприимчивые, любят выпить и помахать кулаками. Оттуда пришли и известные финские ножи, «финки». (*Здесь и далее – примеч. перев.*)

Полковник в задумчивости потер висок, заглянул Релонену в глаза и сказал, что он намерен отложить самоубийство по крайней мере до завтра. А там – кто знает, может, он сведет с жизнью счеты на следующей неделе или вообще осенью. Затем он поинтересовался, по-прежнему ли Онни настроен столь же серьезно, как утром. Релонен пришел к такому же решению. Поскольку попытка по воле случая провалилась, ее следовало отложить до лучших времен. Приступ уныния остался позади, и он еще успеет все обдумать.

– Я тут весь день размышлял, а что, если мы с тобой что-нибудь такое замутим? – осторожно предложил Онни. Полковник Кемпайнен был тронут. Он понимал, что наконец обрел хорошего друга, честного, надежного. Теперь он был не так одинок, как еще вчера.

– Я не могу сказать, что во мне снова проснулось желание жить... Пожалуй, все-таки нет. Но можно что-нибудь придумать. Раз уж мы еще тут.

Релонен обрадовался, даже воодушевился... И затараторил, исполненный энтузиазма: а что, если начать все заново, все бросить и заняться каким-нибудь жизненно важным делом? Полковник считал, что это надо обдумать. Теперь их жизнь – своего рода подарок судьбы, бесплатное приложение. Ею можно распоряжаться как угодно. Вот что главное. Друзья принялись философствовать по поводу того, что люди должны жить каждый день так, как будто он последний, но среди забот у них нет времени об этом задуматься. Лишь

те, кто стоял на пороге смерти, в состоянии понять, что значит начать новую жизнь.

– Перед нами открываются огромные перспективы, – торжественно заключил полковник.

Глава 3

Полковник Герман Кемпайнен остался отдыхать в доме Онни Релонена. Мужчинам было о чем поговорить. Вспоминали, у кого что случилось в жизни, обсуждали самые разные события. Это была своеобразная терапия, из которой выросла незнакомая им прежде дружба. Парились, рыбачили. Полковник греб, бизнесмен тянул блесну. Поймали трех щук, зажарили. Постреляли по мишени из револьвера Релонена. Полковник в этом был асс. Выпили по пиву. Релонен принес из дома старый будильник, поставил его себе на голову и попросил Кемпайнена выстрелить так, чтобы будильник разлетелся вдребезги. Полковник колебался, ведь пуля могла попасть Релонену промеж глаз.

– Ничего, стреляй!

Будильник вдребезги, Релонен живой. Игра со смертью очень позабавила мужчин. Как-то раз, сидя у камина, Релонен заговорил о том, что хорошо бы собрать вместе всех товарищей по несчастью. Релонен вычитал в какой-то газете, что только в Финляндии каждый год совершается тысяча пятьсот самоубийств, и в десять раз больше народу подобное только планируют («еще собираются»). В основном это мужчины. Сотни человек калечат и убивают себя.

– Два батальона мужчин ежегодно совершают самоубийство, и еще целая бригада планирует, – подсчитал полков-

ник. – Неужели нас действительно так много? Целая армия.

Релонен продолжал развивать свою теорию:

– Мне тут пришло в голову: а что, если собрать всех этих людей? То есть тех, кто помышляет о самоубийстве. Думаю, нам будет о чем поговорить. Мне кажется, многие отказались бы от самоубийства, появившись у них возможность откровенно рассказать о своем горе другим, кого это интересует. Вот мы с тобой с утра до вечера общались – и полегчало.

Полковник сомневался в успехе затеи. Люди, думающие о самоубийстве, только о смерти и будут говорить. От такой встречи ни веселья, ни помощи. Наоборот, народ впадет в еще большую депрессию. Релонен, однако, не сдавался. По его мнению, такое собрание – прекрасная терапия. Человек обретет вкус к жизни, когда узнает, что и у других дела идут плохо, что не один он такой чертов неудачник.

– С нами ведь так и получилось. Если бы мы не встретились, были бы уже покойниками. Разве нет?

Полковнику пришлось признать, что общность судеб и правда, пусть на время, но помогла. Он втайне еще думал повторить попытку. Проблемы никуда не делись. Просто они ненадолго отошли на задний план. Ведь дружба с Релоненом жену не воскресит, да и остальных проблем не решит.

– Мрачный ты человек, Герман.

Полковник согласился: все военные, как правило, мрачные типы, особенно те, что раздумывают о самоубийстве. Он планировал на следующей неделе, когда их пути с новым

другом разойдутся, уже болтаться на веревке. Онни считал, что его идея все-таки заслуживала внимания. Они запросто могли бы собрать группу самоубийц, причем довольно большую. Попытались бы вместе найти решение, а если не получится, никто ничего не потеряет. Можно будет вместе разработать новые способы самоубийства, отточить, как говорится, стиль. Вместе легче придумать более изящные способы покончить с жизнью, ведь смерть может быть безболезненной, стильной, достойной человека, а может, даже почетной и привлекательной. Зачем ограничиваться традиционными способами? В конце концов, это слишком примитивно – подвешивать себя как продолжение веревки. От разрыва шейных позвонков трахея вытягивается на полметра, лицо синет, язык вываливается. Зрелище не для слабонервных. Такой труп даже родственникам не покажешь. Полковник потерял шею. Полоска от петли за пару дней заметно потемнела и совершенно некстати опухла.

– Может, ты и прав, – наконец согласился он, приподняв воротник мундира. Релонен воодушевился:

– Ты только подумай, Герман, если нас будет много, мы сможем оплатить услуги группового терапевта и провести последние дни, наслаждаясь жизнью. В компании всегда веселее, чем одному. Отксерим прощальные письма родственникам, отдадим завещания одному юристу, которого вместе оплатим. Еще и сэкономим... Может, даже получим скидку на извещение о смерти, если нас много наберется. Сможем

пожить немного на широкую ногу, ведь наверняка в компании окажется какой-нибудь состоятельный человек. Богатые сегодня совершают самоубийства гораздо чаще, чем многие думают. И женщин легко вовлечем в наш кружок. Я знаю, что в Финляндии многие дамы помышляют о самоубийстве, и они далеко не уродины, как раз наоборот: женщины в депрессии особенно привлекательны своей печалью.

Постепенно полковник Кемпайнен начал склоняться к этой идее. Да, в создании группы самоубийц было рациональное зерно. Давно пора поставить самоубийство на профессиональные рельсы. Он посмотрел на проблему с точки зрения офицера и тут же увидел преимущества группового суицида. Один хороший солдат в одиночку битву не выиграет, но когда собирается большая толпа, объединенная общей целью, результат гарантирован. Военная история полна примеров, доказывающих эффективность групповых действий. Релонен обрадовался:

– Ты, как полковник, мог бы профессионально организовать группу финнов-самоубийц для принятия наилучшего из возможных решений. Твоя профессия просто обязывает быть лидером. Взял бы себе в команду хотя бы тысячу потенциальных самоубийц. Сперва попробуем убедить их в нецелесообразности задуманного, а если не поможет, ты поведешь их на смерть.

Релонен представил полковника Кемпайнена во главе армии, шествующей по дороге к смерти. Он вспомнил Вет-

хий Завет и мысленно сравнил Кемпайнена с Моисеем, который вел свой народ в землю обетованную. Головокружительное путешествие! Вместо земли обетованной конечной целью станет смерть, массовое самоубийство, грандиозная точка в конце всего сущего. Перед взором Релонена предстал Кемпайнен, приказывающий своему народу перейти через Красное море, как в свое время Моисей – народу Израиля. Для себя Онни выбрал скромную роль Аарона. И полковник принялся вдохновенно планировать:

– Массовое самоубийство можно было бы, в принципе, замаскировать под катастрофу... Поезд сошел с рельсов, сотня человек погибла.

По мнению Релонена, такой серьезный несчастный случай был бы замечательным итогом совместной деятельности. Давно пора наглядно показать, что финны не только способны вешаться в одиночку в каком-нибудь гнилом сарае, а сообщая взявшись за дело, организовать нечто масштабное. Смерть все-таки не каждый день случается. В конце жизни следует ставить жирную точку. Полковник вспомнил, как десять лет назад в Латинской Америке было совершено массовое самоубийство. Релонен тоже слышал эту историю. Она во всем мире вызвала жалость и негодование. Один американский священник-фанатик собрал вокруг себя сотню преданных верующих, которые принесли ему в дар все свое добро, и основал некую религиозную секту. Когда официальные лица попытались запретить ее деятельность, глава сек-

ты решил пойти на самоубийство, но не один – он повел на смерть всех своих сторонников. Погибли сотни фанатиков. Их останки были отвратительны: разлагающиеся трупы раздулись от тропической жары, мухи кишмя кишели над жилищем сектантов... Мерзость! Ни Релонен, ни полковник Кемпайнен не находили оправдания такому массовому истреблению. Эффект, конечно, получился довольно сильный, но «качество смерти» явно было плохим, а конечный результат так и вовсе омерзительным.

Они единогласно решили, что никому не будут советовать умереть, а если народ все же решится совершить групповое самоубийство, это должно быть сделано со вкусом. Они ни Релонен между делом позвонил в Хельсинки, в Церковную службу доверия. Приятный женский голос предложил ему доверительно рассказать обо всех его проблемах. Релонен спросил, «горячий» ли у них выдался вечер:

– Я имею в виду, много ли вам сегодня звонило людей, думающих о самоубийстве?

Служительница церкви ответила, что не имеет права разглашать конфиденциальную информацию. Она сочла вопрос нетактичным и пригрозила положить трубку. Тогда к разговору подключился полковник Кемпайнен. Представившись, он коротко рассказал о недавней встрече с Релоненом в сарае. Полковник не скрывал ни собственных суицидальных намерений, ни намерений друга. Затем он сообщил об их идее организовать терапевтическую группу из финнов, на-

ходящихся в подобной ситуации. В связи с этим он выразил желание узнать, где можно найти адреса или номера телефонов кандидатов в самоубийцы. Церковный терапевт продолжала сомневаться. По ее мнению, был неподходящий момент для обсуждения группового самоубийства. Ей и с индивидуалами хватает работы. Сегодня за вечер позвонили уже шесть человек с этим вопросом. Пусть они лучше обсуждают свои идеи с... ну, скажем, с персоналом больницы для душевнобольных, может, там посоветуют, как действовать дальше.

– Мы не можем дать вам списка звонящих по поводу самоубийства, мы работаем строго конфиденциально, – заключила она.

– Да, не очень-то нам помогла эта старуха, – проворчал полковник и стал звонить в крупнейшую психбольницу города Никкиля.

Он объяснил суть дела, но дежурный врач тоже был неразговорчив. Впрочем, он подтвердил, что в их отделении есть пациенты, склонные к самоубийству, однако их имена не разглашаются. К тому же за этими пациентами уже ведется наблюдение, они получают необходимые лекарства и терапию, некоторые, кажется, даже больше, чем нужно. Больница Никкиля очень сильна в том, что касается вопросов душевного здоровья, и не нуждается в помощи всяких дилетантов. Доктор сомневался, что какой-то полковник вооруженных сил способен предотвратить самоубийство. Армейская

школа и учения преследуют принципиально иную цель, так считал врач. Полковник, вконец разозлившись, заявил, что преследует он абсолютно ту же цель, что и пациенты больницы Никкиля, и бросил трубку.

– Надо дать объявление в газету, – решил Релонен.

Глава 4

Кемпайнен и Релонен составили объявление с намерением разместить его в газете. Оно выглядело так:

ДУМАЕШЬ О САМОУБИЙСТВЕ?

Не волнуйся, ты не одинок.

Нас много, людей с теми же мыслями и даже с кое-каким опытом.

Коротко напиши о себе и своей ситуации, может быть, мы сумеем тебе помочь.

Укажи в письме свое имя и адрес, мы с тобой свяжемся.

Сведения обрабатываются в режиме строгой конфиденциальности и не передаются посторонним.

Искателей приключений просим не беспокоиться.

Письма оставляйте на главном почтамте Хельсинки до востребования с пометкой «Попробуем вместе».

По мнению полковника, фраза об «искателях приключений» была лишней, но Релонен упорно настаивал на своем. В молодости он часто давал объявления о знакомстве по переписке, и на них отвечали многие искательницы приключений, а он всего-то искал честного и уравновешенного собеседника. Полковнику казалось, что такому тексту не место в разделе частных объявлений – там печатают полную чушь, это просто отдушина для людей, мучимых романтическим и эротическим голодом. Самоубийство гораздо серьезнее.

Он предложил напечатать объявление в разделе некрологов. Полковник считал, что люди, замышляющие самоубийство, должны с большим удовольствием читать сообщения о чужой смерти. Тогда информация дойдет до нужных адресатов. Релонен пообещал лично отнести объявление в редакцию газеты. Итак, полковник остался дома, а Релонен отправился в Хельсинки. Договорились, что Онни заодно купит продукты и все необходимое. А полковник тем временем сообщит в штаб о своем уходе в летний отпуск. Можно, он хотя бы начало отпуска проведет у Релонена? Дома, в Ювяскюля, ему нечего делать, там никто не ждет.

– Конечно! Хотя все лето можем жить тут, на озере. В редакции Релонену пришлось заплатить наличными. Прочитав текст, редактор решил, что безналичный расчет не пройдет. Мало ли что? В случае чего придется покрывать издержки за счет имущества умершего. А где гарантия его платежеспособности? Релонен заглянул домой и взял постельное белье. Жена спросила, как он провел праздник. Релонен ответил, что накануне и утром у него было плохое настроение, но потом в старом сарае он наткнулся на одного ювяскюльского мужика. Мужик оказался что надо, и он пригласил нового знакомого к себе в гости.

– Убираться сами будете, – предупредила жена.

– Его зовут Кемпайнен...

– Угу, не могу же я всех Кемпайненов знать.

Релонен спросил, заходили ли судебные приставы, пока

его не было. Жена ответила, что звонил один пару дней до праздника Ивана Купалы. Пригрозил наложить запрет на продажу дома в Хяме, пока не закончится следствие по весеннему банкротству. Визит домой расстроил Релонена. Его с удвоенной силой потянуло в Хяме. По дороге Онни вдруг заволновался: а что, если полковник Кемпайнен за это время повесился? Что тогда делать? Значит, надо будет и себе пулю в лоб пустить. Шагая к домику по хрустящему гравия дорожки, Релонен вдыхал летние ароматы, слушал несмолкающие птичьи трели, а войдя во двор, увидел Кемпайнена, несущего из сарая охапку дров для сауны. От сердца сразу отлегло, и Релонен крикнул:

– Привет, Герман! Жив-здоров?

– Да ничего... вот избу твою покрасил, чтобы время убить. Ты вроде не закончил...

Релонен признался, что весной настроение у него было нерабочее. Полковник понял. Так и жили они в озерном краю Хяме всю неделю в ожидании откликов на объявление. Вели тихую спокойную жизнь, наслаждались летом, беседовали о судьбах человечества, наблюдали за природой. Иногда выпивали, садились с удочками на причал и смотрели на озеро Хумалаярви. Полковника удивляло легкомысленное отношение Релонена к спиртному. Когда бывало выпито две трети бутылки, Релонен аккуратно затыкал ее пробкой и, если ветер дул с берега, бросал в озеро. Бутылка качалась на волнах и, разумеется, рано или поздно причалива-

ла к противоположному берегу. Это несколько километров, отправитель спиртосодержащей бутылочной почты не знал, где посылка прибьется к берегу.

– Почти все соседи так делают. Оставляют треть бутылки и отправляют ее в путешествие, – объяснил Релонен.

И все равно полковник не понимал такого расточительства. Алкоголь в Финляндии – дорогое удовольствие. Как можно выбрасывать его в озеро? Релонен рассказал, что это старый проверенный способ связи. Кто-то когда-то впервые сделал так по ошибке. Первая бутылка с винным грузом приплыла к Релонену семь лет назад, коньяк «Шарант» отличного качества. Бутылка прибыла похмельным августовским утром и спасла его. Сразу после открытия магазина Релонен сполна вернул озеру долг. Бутылки стали появляться у берега периодически, а в последние годы чаще. Эта традиция потихоньку распространилась по всем берегам озера. Но об этом не говорят, это тайна летних обитателей Хумалаярви.

– В прошлом году мне достались три бутылки хереса, а незадолго до того, как озеро замерзло, еще одна бутылка водки и одна – коскенкорвы³. В них было столько спирта, что они едва держались на плаву. Такие вещи греют душу. Чувствуешь, что где-то на том берегу живет родная душа – щедрый ценитель хорошего коньяка или славный любитель водки, который вспомнил о неизвестном соседе по ту сторону водной глади.

---

³ Коскенкорва – финская водка.

Однажды вечером, лежа на полке в сауне, полковник Кемпайнен заметил, что все тело друга покрыто шрамами. Полковник удивился, откуда они у Релонена. Неужели он был ранен на войне? Релонен сказал, что был слишком молод для войны. Когда она началась, ему был всего год. Но мирная жизнь в Финляндии тоже очень похожа на войну. Он четыре раза становился банкротом. Отсюда и шрамы.

– Знаешь, после каждого банкротства мне было так погано, что я решался на самоубийство. Эта попытка на Ивана Купалу была не первой. Может, и не последней, кто знает...

Релонен признался, что пробовал покончить с собой уже трижды. В шестидесятых, после первого банкротства, он решил себя взорвать. Он тогда занимался земляными работами. Взрывчатки было вдоволь, профессиональных навыков тем более. Релонен принес в строительную будку взрывчатку, присоединил к ней два пистона и два фитиля. Взрывчатку положил в брюки, уселся в кресло, поджег оба фитиля и закурил последнюю сигарету. Взрыв удался лишь отчасти. Горящие фитили прожгли огромные дыры в трусах, а на ногах появились страшные ожоги. Релонен не вытерпел жара тлеющего фитиля и с воем выскочил из будки. Кусок тротила оторвался от пистона и сполз по штанине на голую ногу. Капсюль-детонатор, взорвавшись, серьезно повредил зад и брюки. Жизнь была спасена, но на теле остались рубцы. Второй капсюль рванул вслед за первым. Будка разлетелась на куски и взмыла на 70 метров над площадкой. После второ-

го банкротства в 1974 году Релонен попытался застрелиться из дробовика, приладив его к дереву на даче у тестя в Сонкаярви. Он хотел смастерить охотничью ловушку, чтобы ружье само выстрелило в жертву, то есть в него. Но Релонен был слишком пьян, устанавливая ружье. Пуля пролетела мимо. Онни показал к полковнику спину, испещренную шрамами. Вот следы того судьбоносного выстрела. Одна пуля угодила в легкое, но Релонен, к сожалению, все-таки выбрался из своей ловушки живым. В предпоследний раз Релонен решил вскрыть себе вены. Но, успев «обработать» только левую руку, упал в обморок при виде собственной крови. «Рубец судьбы» остался и от этой попытки. Все эти неудачи вынудили Релонена обзавестись револьвером. Таким образом он рассчитывал действовать наверняка. Но как уже знал полковник, последняя попытка тоже не увенчалась успехом. Кемпайнен, рассмотрев шрамы приятеля, пришел к выводу, что Релонен проявил завидную настойчивость в желании себя убить. Сам же полковник никогда раньше о суициде не думал. Он еще больше уважал товарища как заслуженного ветерана самоистребления.

Глава 5

В конце первой недели июля Релонен заехал на Хельсинкский почтамт и удивился: там его ждала целая охапка писем. Они даже не поместились в портфель. Пришлось набить письмами еще два пакета. С этим богатым уловом Релонен помчался на машине в Хяме. Ему было страшновато: что, если они с полковником сдвинули лавину, которую сами не смогут укротить? Дома они разложили письма на полу в гостиной. Сперва пересчитали их. Им пришло 612 посланий: 514 писем, 96 открыток и 2 небольших пакета. Пакеты вскрыли в первую очередь. Один содержал пучок длинных отрезанных волос, очевидно, женских. На пакете стоял штамп города Оулу. Что значили эти волосы – трудно было сказать.

Во втором пакете оказалась рукопись в 500 страниц под названием «Самоубийства в Хайлуото, наш век». Автор – учитель саамской народной школы Осмо Саарниахо. В сопроводительном письме он жаловался на то, что получил на свое творение пренебрежительный отзыв в кругах сельских издателей: ни один из них не заинтересовался книгой. Теперь он спрашивал тех, кто получит это письмо: возможно ли совместными усилиями опубликовать ценную рукопись и разослать книгу по книжным магазинам страны? Он предполагал, что книга принесет 100 тысяч марок чистой прибыли.

Если ему не удастся издать свой опус, он покончит жизнь самоубийством.

– Надо отправить обратно. Мы не можем ввязываться в издательское дело, даже под угрозой смерти, – решил полковник.

Письма сначала условно разделили по округам согласно почтовым штемпелям. Вскоре стало ясно, что большинство писем пришло из Южной Финляндии – Уусимаа, Турку, областей Пори и Хяме. Хорошо были представлены также Саво и Карелия, а из Оулу и Лапландии – всего несколько штук. Релонен предположил, что столичная газета хуже продается на севере. Сельский регион Похьянмаа, впрочем, тоже был представлен слабо. Вероятно, там самоубийств совершалось меньше, чем в других регионах. И немудрено: единоличное самоубийство там рассматривается как предательство всего деревенского сообщества. Прочитали несколько открыток и вскрыли несколько конвертов. Письма производили удручающее впечатление. Люди, одержимые страстью к самоуничтожению, писали как курица лапой, с грамматическими ошибками. Каждое письмо было криком о помощи: это правда, что я не одинок в своей беде? И что потом? Есть ли такая неизвестная сила, которая мне поможет? Мир этих людей рухнул, мысли в их головах смешались. Некоторым было так тяжело, что даже выдавший виды полковник и тот прослезился. Объявление в газете было как последняя соломинка для утопающих. Ответить на все письма казалось без-

надежной затеей. Даже открыть и прочитать их было двум друзьям не по силам. Изучив почти сотню посланий, Релонен и полковник Кемпайнен отправились купаться.

– Да, топиться нам теперь нельзя, – принялся философствовать Релонен, отплывая от причала, – ведь тогда получится, что мы бросили на произвол судьбы более шестисот человек. А если они покончат с собой? По совести, мы будем виновны в их смерти.

– Какое уж теперь самоубийство, когда мы посадили себе на шею батальон горемык, – согласился полковник.

– Настоящий батальон самоубийц, – уточнил Релонен.

С утра Релонен и полковник Кемпайнен отправились в ближайший книжный магазин и купили шесть папок, дырокол, скрепки, нож для вскрытия конвертов, маленькую электрическую пишущую машинку, 612 конвертов и две стопки писчей бумаги. На почте они заказали 612 марок и отправили учителю Саарниахо его «Самоубийства в Хайлуото», приложив письмо, в котором уговаривали писателя оставить мысли о самоубийстве. Они предлагали ему обратиться с рукописью в Общество душевнобольных Финляндии или в другую подобную организацию – может, там лучше поймут научную ценность его труда. Релонен пошел в магазин за продуктами, а полковник забежал в винный «Алко». Потом они вернулись домой. Времени на сауну и рыбалку больше не было. Релонен принялся вскрывать ножом конверты, Кемпайнен работал писарем. Он выписывал адреса и имена

респондентов и присваивал им порядковые номера. Работа продолжалась два дня. Зафиксировав все данные, компаньоны решили основательнее ознакомиться с морем писем. Они понимали, что надо спешить. В их руках оказалось более шестисот жизней. На письма следовало ответить быстро, а их было только двое, и дело шло слишком медленно.

– Нам нужен секретарь, – вздохнул Релонен поздно вечером, когда все письма были открыты и прочитаны.

– Да кто ж нам посреди лета отдаст своего секретаря, – проворчал полковник Кемпайнен.

– Релонену пришло в голову, что опытный секретарь может обнаружиться среди потенциальных самоубийц. Наверняка найдутся люди, готовые помочь.

Принялись изучать базу данных. Естественно, искали прежде всего среди живущих поближе. Начали со стопки писем из Хяме. Релонен прочитал пятнадцать штук, полковник – двадцать. Деревенских жителей из Хаухолы, Сюсмья и их окрестностей решили в расчет не брать – крестьяне не годятся для секретарской работы. Откопали трех учителей начальных классов, старую деву из Форссы. В Хумппиле нашли профессиональную секретаршу на пенсии, Кука-Марию Оваскайнен из Кемеры. Следующей попалась проректор местного училища Хелена Пуусари из Тоялы, тридцати пяти лет, она преподавала основы деловой переписки. Обе женщины разочаровались в жизни и всерьез подумывали о самоубийстве. К тому же они доверительно оставили свои

адреса и телефоны. Было уже поздно, но дело не терпело отлагательств, поэтому мужчины решили немедленно связаться с обеими дамами. Сначала позвонили в Хумппилу, но им никто не ответил.

– Наверное, уже успела наложить на себя руки, – предположил Релонен.

В Тояле проректора Пуусари тоже не оказалось на месте, но автоответчик предложил оставить сообщение. Полковник Кемпайнен коротко представился, извинился, что пришлось звонить в столь позднее время, ведь дело шло к полуночи, коротко изложил суть проблемы и добавил, что они с товарищем хотели бы с ней встретиться. Кемпайнен и Релонен вознамерились немедленно отправиться в Тоялу. Они уже порядочно выпили и понимали, что садиться за руль в таком состоянии опасно, но решили, что ничего хуже, чем в подпитии разбиться насмерть, им не грозит. Так что в путь! Полковник вел машину, Релонен перечитывал вслух письмо проректора Пуусари:

– Жизнь моя дошла до высшей своей точки. Рассудок мой в опасности. Детство мое было безоблачным, характер веселый, оптимистичный, но за последние годы здесь, в Тояле, я очень изменилась. Моя самооценка раздавлена. Обо мне в этом маленьком городке ходят всякие сплетни. С мужем я развелась десять лет назад. Здесь, в Тояле, это тоже обычное явление. Но после развода я больше не хотела или не могла вступать в отношения с мужчинами, особенно в постоянные.

Может, у меня паранойя, но мне уже несколько лет кажется, что за мной постоянно следят и все записывают. Я чувствую себя пленницей местного сообщества. Даже воспитательная работа, которая казалась мне когда-то такой интересной, опротивела. Я стала настоящей отшельницей. Не могу ни с кем разговаривать, никому не доверяю, и, по-моему, не без причины. Меня считают очень чувствительной натурой. Может, отчасти это так и есть. Вообще я человек прямой и не отказываю никому в дружбе. Но постепенно я поняла, что люди не отвечают мне тем же, и не только здесь, в Тояле, но и в целом мире. Я больше не выдержу. Хочу просто заснуть и не просыпаться. Надеюсь, что к моему признанию вы отнесетесь с пониманием. Если о нем узнают, это только усугубит мое положение. Я уже не вижу другого выхода, кроме как наложить на себя руки.

В полной тишине они ехали по дороге Хяме. Спустя какое-то время Релонен сообразил, что они доберутся до места глубокой ночью, неплохо было бы извиниться за беспокойство и подарить проректору Пуусари, ну, скажем, букет цветов. Полковник с ним согласился, но выразил сомнение, что в это время суток где-то можно купить цветы: магазины-то уже закрыты. Релонен на секунду задумался и предложил нарвать у дороги полевых – самый разгар цветения, а заодно можно и нужду справить. Выбрав подходящее место, он попросил полковника остановить машину. Релонен исчез в темном лесу. Полковник, покуривая, ждал у машины. Это

собираение цветов начинало его раздражать. Он крикнул Релонену, чтобы тот возвращался. Пьяный голос откуда-то из леса ответил, что нашел цветы. По крайней мере, свежие листья точно. Полковнику показалось, что Релонен идет к дороге, и он медленно поехал вперед. Через полкилометра полковник увидел на темном асфальте Релонена. В одной руке у него был букет кипрея и других полевых цветов, в другой – самодельная клетка из проволоки. Полковник остановил машину и увидел, что в клетке кто-то сидит и шипит. Енот. Релонен был страшно горд. Он рассказал, как долго ходил, собирая цветы, и вдруг наткнулся на капкан. Он жутко испугался, когда зверек начал орать. Вот он, настоящий живой енот. Его ведь можно подарить проректору Пуусари, правда? Полковник считал, что дикий зверь – не самый подходящий подарок для незнакомой женщины, думающей о самоубийстве. Он попросил Релонена отнести зверька вместе с клеткой туда, где взял. Разочарованный, Релонен скрылся в лесу, а вернувшись, объявил, что не смог найти место, где подобрал зверька. Тогда полковник предложил приятелю оставить клетку где-нибудь в лесу, но тот не согласился. Что, если лесник, поставивший капкан, не найдет зверька в другом месте? Енот в клетке умрет от голода и жажды. Полковнику пришлось признать, что енота нельзя оставлять где попало. Выпустить зверька Релонен отказался. Вдруг он бешеный? В любом случае он представляет угрозу для птичьих гнезд и мелких грызунов. Он положил клетку в багажник, а сам с

цветами в руках сел на переднее сиденье рядом с полковником. Настроение у полковника испортилось: друг был пьян и неадекватен. До Тоялы они ехали молча. В три часа ночи, в центре Тоялы, на третьем этаже четырехэтажного кирпичного дома, Релонен и полковник Кемпайнен позвонили в дверь проректора Пуусари. Релонен держал клетку с енотом и увядшие лесные цветы. Дверь отворилась, их пригласили войти. Хелена Пуусари оказалась крупной рыжеволосой дамой в очках. У нее было решительное лицо, но выглядела она уставшей. Походка стремительная, но при этом женственная. На ней был прогулочный костюм и туфли на высоком каблуке. Она была озадачена. Подумать только: такую милую женщину в этом городке почти довели до самоубийства. Проректор Пуусари попросила оставить клетку в прихожей. Она подала гостям кофе с бутербродами и предложила по рюмочке ликера. Поговорили о деле. Госпожа Пуусари, оказывается, боялась, что за объявлением в газете стоят какие-нибудь аферисты, но все-таки решила рискнуть. Теперь же, когда она познакомилась с авторами объявления, то есть с Релоненом и Кемпайненом, ей стало казаться, будто их свело само провидение, ведь беда-то у них общая. Еноту она не очень удивилась. Она бы тоже не оставила зверька умирать в лесу.

– Я в людях разбираюсь, у меня есть опыт. Вы хорошие люди, в этом я уверена, – заметила госпожа Пуусари, ставя цветы в вазу.

Полковник Кемпайнен рассказал ей, что на объявление

пришло более шестисот откликов. Обработать их двум мужчинам не под силу, тем более что они никогда раньше этим не занимались. Релонен – прогоревший владелец прачечной, а он сам – полковник в отставке. Друзья предложили госпоже Пуусари помочь им в подготовке и рассылке ответов на письма. Проректор Пуусари сразу же согласилась. Они допили ликер, взяли енота и пошли к машине. Обратно в Хумалаярви возвращались через Ламми. Было раннее утро, по земле стелился легкий туман. Релонен спал. Когда Кемпайнен миновал церковь, госпожа Пуусари попросила его остановиться. Выйдя из машины, Хелена направилась к кладбищу. Она бродила среди могил, окутанных туманом, долго стояла около старых надгробий и смотрела в небо. Потом вернулась к машине.

– Я интересуюсь кладбищами, – объяснила она полковнику. – Они успокаивают.

Вскоре добрались до дома Релонена. Тут он и сам проснулся, открыл багажник, чтобы выпустить енота. Но зверек исчез, причем вместе с клеткой. Релонен встревожился, не забыл ли он ее в Тояле. Полковник успокоил его, сказав, что оставил клетку с енотом на пороге церквушки в Ламми. Там его утром найдут. Судьба зверька теперь в руках Всевышнего, если, конечно, священник первым его найдет. Когда проректор Пуусари увидела груду писем, она выпалила:

– Ой, бедные! За это надо браться всерьез. Встанем по-

раньше – и за работу. Хелену устроили в мансарде. Когда она удалилась туда, мужчины переглянулись:

– То, что надо.

Глава 6

С утра взялись за работу. Решили прочитать все вслух. Изучили десять писем, делая заметки. Затем поменяли чтеца, прочитали еще десяток, и подошла очередь третьего чтеца. Работа продвигалась довольно быстро и не казалась очень уж тяжелой. Обработка одного письма занимала пять минут: пара минут на чтение, три – на обсуждение. За час управились с дюжиной писем. Быстрее не получалось. Работали два часа подряд, потом устроили часовой перерыв. За каждым письмом стоял человек со своей бедой, и бедой тяжелой. Все трое знали это по личному опыту. Выяснилось, что охотнее рассказывают о своих проблемах женщины: 65 процентов писем пришло от них. Пол некоторых авторов установить не удалось. Например, за именем Ома Лаурила мог скрываться как мужчина, так и женщина. Послание, в конце которого значилось «Раймо Таавитсайнен», похоже, было написано женщиной, потому что профессию указали женскую. Большая часть респондентов, если не все, явно страдали психическими расстройствами. Кое-кто вообще казался сумасшедшим. Встречались психоз и паранойя. Например, одна уборщица из Лауритсалы утверждала, что находится на грани самоубийства из-за того, что ее постоянно преследует президент Койвисто. Травля велась разными способами: Койвисто подкладывал ей ядовитые моющие сред-

ства, и лишь благодаря природной проницательности жертве удавалось избежать отравления. В последнее время президент совсем обнаглел — не давал уборщице покоя ни днем, ни ночью. Его начальники канцелярии и охранники тайно приезжали в Лауритсалу, всячески мешая жить несчастной женщине. В конце концов она пришла к патристическому решению: мир спасет только ее самоубийство. Тогда Койвисто придется оставить ее в покое. Принося себя в жертву, уборщица надеялась, что СССР не сможет воспользоваться ситуацией и начать против Финляндии ядерную войну. Авторы писем страдали различными невротами. Были и очевидные врожденные отклонения, и психопатия, которая проявлялась в семейных и любовных неурядицах. Среди пришедших письма попадались и пациенты психиатрических клиник. Проблемы у всех были схожие: трудности на работе, в учебе, горькая старость пришла слишком рано. Один человек признался, что еще до войны совершил убийство и до сих пор не может об этом забыть. Некоторые ударились в религию и при помощи самоубийства надеялись попасть на небеса и встретиться там со Всевышним. Много было сексуально озабоченных, гомосексуалов, транссексуалов, мазохистов, любвеобильных мужчин, не находящихся реализации, неизлечимых нимфоманок. У некоторых налицо был тяжелый алкоголизм, зависимость от лекарств и наркотиков. Один мужчина, живущий в Хельсинки, в районе Эротта, и работающий в компьютерной фирме, пришел к выводу, что

самоубийство – единственный эффективный способ распорядиться собственной жизнью. Другой любознательный последователь мистических учений утверждал, что у него не хватает терпения ждать естественной смерти, вот он и решился на самоубийство, чтобы увидеть, что ему предложат после смерти. Всех авторов писем роднило сильное чувство одиночества и отверженности. Тем, кто разбирал письма, это тоже было знакомо. В перерывах ходили на причал отдохнуть и позагорать. Релонен делал бутерброды, полковник готовил кофе. Над Хумалаярви кричала кукушка – редкая птица в Южной Финляндии. Однажды во время вечернего перерыва Хелена Пуусари заметила плывущую к берегу бутылку. Она стала кричать, что ненавидит алкоголиков, которые повсюду бросают бутылки, бессовестно загрязняя чистейшую финскую природу. Она тоже иногда выпивала, но ей и в голову не могло прийти бросать бутылки в озеро. Полковник поднял бутылку с прибрежного песка. Это оказалось шотландское односолодовое виски «Карду» двадцатилетней выдержки. Внутри было на полдюжины рюмок. Содержимое сразу же выпили, а затем мужчины рассказали госпоже Пуусари о традиции бутылочной почты. Может быть, само название озера и породило этот обычай? С почтой работали двое суток. Прочитали каждое письмо и открытку, обсудили и на большей части сделали пометки. Результаты потрясли. Кто знает, сколько из написавших все это людей уже успело совершить самоубийство? Ведь со дня публикации объ-

явления прошло не менее десяти дней. За это время человек, находясь в депрессии, вполне мог успеть исполнить задуманное. Проректор Пуусари позвонила в училище города Хямеенлинна и попросила коллег помочь: надо было распечатать текст в количестве 600 экземпляров и надписать такое же количество конвертов. Оставалось написать сам текст – шаблон ответа, размножить его и отправить адресатам в разные концы Финляндии. Проректор Пуусари имела большой опыт написания писем, чем Релонен и Кемпайнен. Она-то и составила короткое утешительное письмо, в котором просила адресата отказаться от своего решения хотя бы на некоторое время. В письме говорилось, что тысячи финнов думают о том же, ведь на объявление в газете откликнулось более шестисот человек. Не стоит торопиться в таком жизненно важном деле, как самоубийство. Полковник Кемпайнен добавил, что хорошо организованное групповое самоубийство будет более веским, более убедительным актом, чем любительское, совершенное в одиночку. Поддержка коллектива важна в любом деле. По мнению Релонена, групповое самоубийство могло принести и экономическую выгоду. Он написал о совместных увеселительных поездках перед смертью и о возможности для родственников получить скидку на похоронные расходы. Письмо несколько часов переписывали, пока не пришли к окончательному варианту, который уже можно было размножить.

– Хорошо бы еще организовать семинар для обсуждения

положения тех, кто помышляет о самоубийстве, – предложила проректор Пуусари. – Не можем же мы отделаться от бедных людей одним утешительным письмом.

Полковник Кемпайнен понимал, что проректор Пуусари привыкла любую тему обсуждать на семинаре или конференции. Эта мода уже добралась и до вооруженных сил. В армии пронюхали, что любое совещание – прекрасный повод выпить в другом регионе вдали от глаз супруги. Релонен тоже высказался по поводу семинаров и пустых совещаний в бизнесе: они неизменно заканчиваются банкетом, для чего, собственно, и затеваются. В отелях, где проходят совещания, иногда напиваются до потери рассудка, а расходы вносятся в бухгалтер фирмы для уменьшения налогов. Выходит, что финское правительство невольно потакает алкоголизму и раздуванию штатов среднего и высшего менеджмента. Результатом совещаний становятся так и не открытые папки с так и не прочитанными документами. Деньги промотали, время потратили, а низкооплачиваемых сотрудников, в основном женщин, бросали потом на сверхурочную работу, чтобы компания вконец не обанкротилась. Полковник саркастически заметил, что Релонен, как специалист по банкротствам, в этом разбирается. Проректор Пуусари возмутилась: сейчас не время для глупых мужских шуток. Речь идет о жизни шестисот человек. Хотя бы часть из них нужно собрать, дать им возможность обсудить проблемы и найти друг в друге утешение. Следовало снять помещение, куда можно пригласить

народ. Еще надо выработать программу, которая помогла бы получить практические результаты. Полковник успокоил ее:

– Не злись, Хелена, мы уже обсуждали это с Онни. К утешительному письму стоит добавить и приглашение на семинар. Как думаешь, Хельсинки – подходящий город, чтобы собрать там толпу финнов, собирающихся покончить с собой? Или летом лучше выбрать другое место?

Релонен считал, что точно нельзя устраивать семинар в маленьком городке. Если хотя бы сто потенциальных самоубийц соберется в том же Пиексамяки, об этом сразу же все узнают. Финляндия – рай земной для слухов и сплетен. А в данном случае огласка нежелательна. Проректор Пуусари предложила ресторан «Певчие» в районе Töölö—Tөөлө в Хельсинки. Там в подвале есть вполне подходящее помещение. Это известное место, там часто устраивают поминки. Оно находится около кладбища Хиетаниemi и церкви Темпельлаукио.

– С точки зрения поминок и кладбищ, это место нам идеально подходит, – решил полковник Кемпайнен. – Давайте напишем в приглашении, что собрание самоубийц состоится в «Певчих» в следующую субботу. Если завтра отнесем письма на почту, желающие успеют добраться до Хельсинки.

Релонена смущала такая поспешность, но ему тут же напомнили: чем дольше откладывать встречу, тем больше людей, думающих о самоубийстве, покончит с собой, не успев встретить товарища по несчастью. Закипела работа. Пред-

стояло забронировать помещение, размножить письмо и как можно скорее отнести конверты на почту. Каждый потерянный день – это добровольно расставшиеся с жизнью люди, так решила тройка, посвятившая себя великому делу.

Глава 7

Полковник Кемпайнен зарезервировал помещение в ресторане «Певчие». Управляющий сказал, что в подвале поместится около 200 человек, еще часть в зале, а остальные – в сорока кабинетах. Кемпайнен забронировал ресторан на субботу, в 12 часов дня. Заодно договорился о буфете. Управляющий сообщил, что ланч стоит 78 марок. Если включить в качестве аперитива, например, шампанское, то еще 16 марок. Полковник одобрил меню:

Ланч

Рыбное ассорти

Коктейль из морепродуктов

Суп из цветной капусты

Жареный лосось

Рагу из стрчков

Бифштекс из маринованного говяжьего филе со специями

Брусничный шербет

Мокко-парфе

Кофе

Ознакомившись с заказом, Релонен ужаснулся. Полковник что, с ума сошел? Если в ресторане и правда соберется 200 потенциальных самоубийц и все будут лопать ланч, который заказал полковник, это влетит в копеечку. Онни быст-

ро подсчитал на калькуляторе: 18 тысяч марок! У него нет денег на такие подарки. Кроме того, зачем кормить шестьсот человек, которые все равно собираются умереть? По мнению Релонена, разочарованному в жизни человеку вполне достаточно будет чашечки кофе и пирожка с повидлом. Он был уверен, что расточительство не приведет их ни к чему хорошему, а вот к банкротству – точно.

– Мне кажется, Онни, ты панически боишься банкротства, – заметил полковник. – Думаю, нам не надо беспокоиться о счете. Каждый сможет сам оплатить свой ланч. А если у кого-то не хватит денег, я покрою разницу.

Релонен пробормотал, что, насколько ему известно, на офицерскую зарплату не прокормишь всех сумасшедших страны. На это полковник возразил: он никогда не зависел от зарплаты, поскольку получил солидное наследство. Вернее, его получила покойная жена, которая родилась в богатой семье, и после ее смерти Кемпайнен стал весьма состоятельным мужчиной. Проректор Пуусари продолжала строить планы:

– Я могу попросить одну мою сокурсницу прочесть лекцию. Арья Реухунен – психолог, лечит больных с задержкой умственного развития в центральной лечебнице Тамперского университета и хорошо разбирается в этом вопросе. Она могла бы выступить с докладом о том, как избежать самоубийства.

Пуусари добавила, что психолог Реухунен – известный

специалист и автор серьезных статей; а кроме того, эта женщина вроде бы в студенческие годы сама предпринимала попытку самоубийства. Когда все было готово, написали короткое приглашение на семинар самоубийц, который состоится в середине июля, в субботу, в 12 часов, в актовом зале ресторана «Певчие». Организаторы семинара рассчитывают на большое число участников и веселое лето. После обсуждения слова «веселое лето» решили убрать. Вместо этого написали: «Не принимайте необдуманных решений. До скорой встречи». Релонен предложил закончить письмо игривой цитатой из одного романа: «Смерть всех уравнивает», но его не поддержали.

Текст переписали начисто, отвезли в училище города Хямеенлинна и размножили. Больше всего времени – целый день – ушло на то, чтобы надписать на шестистах конвертах имена и адреса получателей. Студенты из группы по черчению помогли наклеить марки и запечатать конверты. На следующий день все письма отнесли на почту. Теперь оставалось только ждать собрания группы самоубийц. Учредители разъехались по домам: Релонен – в Хельсинки, полковник Кемпайнен – в Ювяскюля, а проректор Пуусари – в Тоялу. В следующую субботу полковник Кемпайнен, возвращаясь из Ювяскюля, заехал в Тоялу, чтобы захватить Хелену Пуусари. По дороге в Хельсинки проректор Пуусари ознакомилась еще с двумя захоронениями: кладбищами в Янаккале и Туусуле. Оба получили с ее стороны высокую оценку. Рело-

нен уже ждал их в ресторане «Певчие». Было без пятнадцати двенадцать. Все трое осмотрели актовый зал и отметили, что работники ресторана привели в порядок кабинеты, сам зал украсили цветами, а на столы постелили чистые скатерти. Управляющий показал им меню, составленное в соответствии с заказом. Проверили микрофоны – все было в порядке.

– Нам звонили несколько журналистов, – предупредил управляющий.

Полковник проворчал, что собрание не следует афишировать, и приказал охраннику не впускать журналистов и фоторепортеров. Если кто-то попытается проникнуть, пусть позовут Кемпайнена, и он лично разберется.

Все волновались. Смогут ли самоубийцы приехать на эту важную встречу? А может, троица организаторов просто одержима манией величия, потому они и привели в движение весь этот огромный механизм? И что из этого всего выйдет? Полковник облачился в парадную форму, мадам Пуусари – в красный шелковый костюм. Релонен был вынужден предстать в старом, но хорошо отглаженном полосатом костюме, выдержавшем бури четырех банкротств. Троица производила торжественное и солидное впечатление. Но ведь и дело было важным, жизненно важным. В 12 часов напряжение спало. Холл ресторана наполнился людьми, женщинами и мужчинами. Люди набились очень плотно, лица у всех были серьезные, разговоры велись шепотом. Релонен счи-

тал приходящих: пятьдесят, семьдесят, сто... Скоро он сбился со счета. Многие перекочевали вниз, в актовый зал, где полковник Кемпайнен и проректор Пуусари приветствовали гостей рукопожатием, а управляющий и официанты провозжали их к столикам. Через пятнадцать минут зал был полон. Дверь-гармошку, ведущую в самый большой кабинет, оставили открытой. Там нашлось место еще для сорока приглашенных. Все столики были заняты, а в проеме стояло еще двадцать безмолвных гостей. Бедняги, тоже самоубийцы. Под тихое бормотание люди занимали места. На столах уже лежали приборы и меню. Гости листали меню, смотрели выжидающе. В четверть первого полковник уведомил охранника, что двери пора закрывать. Ресторан заполнен до отказа. Можно начинать. Полковник Кемпайнен взял микрофон. Он представился и представил своих товарищей – Релонена и проректора Пуусари. В зале послышался одобрителный гул. Затем полковник коротко рассказал об организаторах семинара и о плане работы. Цель – доверительно побеседовать о жизни и смерти. Запланировано выступление психолога на тему профилактики самоубийств. После лекции можно будет насладиться специально приготовленным для этого случая обедом. Те, кто не в состоянии заплатить за обед весьма умеренную цену, получают его бесплатно за счет полковника. В какой-то момент будут собирать пожертвования, чтобы покрыть все расходы. После обеда – «свободный микрофон»: все желающие смогут выступить с небольшой

речью по теме, то есть по поводу самоубийства. А в конце предлагалось обсудить, есть ли смысл продолжать такие семинары, нужно ли выбрать комитет, представляющий интересы самоубийц, или достаточно одной встречи.

– Тема нашего семинара неожиданно оказалась очень актуальной и на редкость печальной, но я все-таки хочу надеяться, что она не испортит нам этот прекрасный летний день. Ведь и у нас, самых несчастных людей в мире, есть право хотя бы один день насладиться этой жизнью и компанией друг друга! Надеюсь, вы хорошо проведете время и наши жизни получают новое, более радостное направление, – закончил выступление полковник. Его слова вызвали безграничное одобрение и бурные аплодисменты.

Пока он говорил, у дверей, ведущих в зал, выстроилась колонна официантов. В руках они держали подносы, уставленные бокалами с шампанским. Их разнесли очень быстро. Народ встал в ожидании тоста.

– Здоровья и долгих лет жизни, – произнес полковник, поднимая свой бокал.

Обстановка разрядилась, люди стали знакомиться, общаться столиками, заказывать еду. Первая часть семинара для самоубийц прошла согласно плану. Психолог Арья Рехунен прочитала отличный доклад о самоубийствах и их профилактике. Подробная лекция заняла два часа. Это был серьезный и беспристрастный рассказ о душевных болезнях, жизненных тяготах, научных исследованиях природы суици-

да и о многом другом, с этим связанным. Лекция лично касалась большинства слушателей, поэтому они сидели тише мыши, ловя каждое слово. По мнению докладчицы, основная причина самоубийств крылась в том, что люди ощущали бессмысленность своего существования, оказавшись в ситуации, когда человек не видит поводов для наслаждения, возможностей получить новый приятный или просто хороший опыт. Психолог Реухунен сделала акцент и на особой природе суицида в сравнении с другими психологическими проблемами: самоубийство в Финляндии – все еще тема табуированная, говорить об этом стыдно. Самоубийца получает клеймо больного человека и бросает тень на своих родственников. Особенно сильно самоубийство ударяет по родственникам именно из-за запретности этой темы. Сразу после лекции психолога вскочил какой-то мужчина средних лет и, размахивая проволочной клеткой, потребовал слова. Он по собственному опыту знал, что такое безнадежность и как Божественное провидение может из нее вывести. Полковник прервал свидетельства человека с клеткой, заметив, что дискуссия начнется после обеда. На этом мужчина успокоился. Ланч удался на славу. После него многие ушли, но большинство осталось. Гости заказывали напитки, оживленно беседовали. Пара журналистов и фотограф прорвались-таки в холл ресторана, пытаясь вывести новости. В газетные сводки, видимо, просочилась информация о семинаре. Полковник подробно объяснил, что семинар этот – частное меро-

приятие, в нем участвуют совершеннолетние люди с задержкой умственного развития, выросшие в деревенской среде и оказавшиеся в ситуации, когда общество быстрыми темпами пытается интегрироваться в европейские экономические институты. Разочарованные журналисты вздохнули и, не задавая больше вопросов, ушли. А потом открыли «свободный микрофон», и ход семинара принял совершенно новое направление и размах.

Глава 8

Участники семинара самоубийц быстро освоились: на столики заказывали пиво, вино и напитки покрепче – для храбрости. Когда дали слово гостям, каждый получил возможность рассказать о своих проблемах, да еще и в микрофон. Но многие все равно стеснялись беспристрастно и просто говорить о собственной смерти. Ввели пятиминутный регламент ввиду большого количества желающих выступить. За это время каждый успевал лишь в общих чертах описать свою ситуацию. Завязалась дискуссия, многие выступающие ссылались на предыдущих ораторов, так личные беды становились общими. Мужчина с клеткой, требовавший слова перед ланчем, наконец получил возможность высказаться. Был он родом из Тампере, по профессии – нивелировщик. Ему было за тридцать, и он признался, что вел довольно распутную жизнь. Нивелировщик барахтался в грехах годами, но все же осознавал, что не все делает хорошо и правильно. Незаметно для себя он впал в глубокое отчаяние, а этим летом дошел до ручки. Нивелировщик уверовал в Бога и умолял подать ему какой-нибудь знак, что и он, самый грешный из грешников, будет помилован Господом. Но знака все не было. Нивелировщик опечалился пуще прежнего и стал подумывать о самоубийстве. И вот недавно, летней ночью, он в грусти и тоске без всякой цели ехал из Тампере и случайно

попал в Ламми. Доведенный до отчаяния, бродил он у церкви, думая наложить на себя руки. И тут Господь в последний момент все-таки спас его. Желанный знак подждал его на пороге церкви! Нивелировщик поднял проволочную клетку, чтобы все увидели. Это она стояла на церковной лестнице, это она содержала божественное знамение. В клетке был живой енот, он так яростно шипел на нивелировщика, что не оставлял никаких сомнений в своей реальности. Он был словно горящий куст из Ветхого Завета. Кто-то осмелился спросить, что хотел сказать Бог, оставив на церковной лестнице клетку с енотом? И что божественного увидел нивелировщик в этом зверьке?

Мужчина угрожающе потряс клеткой в сторону усомнившегося и закричал, что пути Господни неисповедимы. Когда нивелировщика спросили, где сейчас эта Божья тварь, он ответил, что принес его в жертву Господу в благодарность за спасение. Кровью жертвенного енота окропил он свой гараж в Тампере, а из самого зверька собирался сделать чучело в память о великом дне. На надгробном камне он велит рядом с собственным именем поместить портрет енота. Впрочем, с этим можно и подождать, ведь он собирается еще долго жить и служить своим ближним, возвещая слово Господне. Потом выступила хозяйка маленького поместья в Северной Карелии. Она сказала, что семинар был ей очень полезен. Всю жизнь она в одиночку возилась со своими коровами, муж был молчалив и не понимал ее, да и коровы не луч-

ше. Это удручало. А здесь ей открылась возможность свободно обмениваться мыслями в приятной атмосфере взаимопонимания. Она почувствовала, что к ней вернулась молодость, и вдруг подумала, что не стоит себя убивать.

– Уж так на душе полегчало! Конечно, стоило приехать, хоть и дороговато вышло. Хорошо, что есть, где переночевать – у двоюродного брата в Мююрмаки.

Потом встал мужчина лет тридцати. Он рассказал, что дважды лежал в психиатрической больнице с нервным срывом и апатией.

– Но я не сумасшедший. Я просто бедный. Будь у меня собственная квартира, пусть маленькая, однокомнатная, где-нибудь в Каллио ⁴, я бы справился. А когда приходится жить в коммуналке, это, знаете ли, сильно расшатывает нервы. Мужчина добавил, что точно знает цену своей жизни: 350 тысяч марок – столько стоит однокомнатная квартира в Хельсинки.

– И я не какой-нибудь пьяница, – заявил он в заключение. Другой мужчина жаловался на неудачный брак. Бывшая жена не давала ему встречаться с детьми, но требовала, чтобы алименты он платил вовремя. Одна женщина просто расплакалась в микрофон. Зал умолк. Люди сочувствовали, но слезам воли не давали. Многие одобряли идею создания группы поддержки, ведь одинокий, сломленный человек не

---

⁴ Каллио – бывший рабочий район в Хельсинки, где много баров и живут представители творческой интеллигенции.

способен за себя постоять. Его перспективы сужаются, он впадает в депрессию. Даже повседневные обязанности кажутся непосильным трудом, когда некому помочь, когда ты вечно один, аж жуть берет. В какой-то момент прозвучало судьбоносное предложение совершить групповое самоубийство. Оно получило неожиданно широкую поддержку. Многие участники семинара даже встали, чтобы высказаться «за». Они были уверены, что самоубийство, совершенное по общему согласию, будет безопасным и правильным решением. Посыпались конкретные предложения. Пенсионерка из Вантаа предложила арендовать огромный корабль и уплыть далеко в море, лучше всего в Атлантику. В заранее выбранном месте корабль пойдет ко дну и унесет с собой жизни пассажиров. Дама сказала, что сама с удовольствием поучаствовала бы в таком «последнем плавании». От гостей за очень шумным столиком, куда постоянно подносили напитки, поступило предложение, вызвавшее общий интерес. Что, если собрать огромную сумму денег и купить убийственное количество алкоголя? И пить не останавливаясь, до тех пор, пока все не погибнет от алкогольной интоксикации. Но большинство присутствовавших сочли этот способ неприличным. Смерть должна выглядеть достойно. Закончить свои дни в стельку пьяным – не самая лучшая идея. Более изысканный вариант группового самоубийства предложил молодой сумасшедший из городка Котка. Он считал, что было бы прекрасно покончить с собой, выпрыгнув из гондо-

лы воздушного шара в море.

— Возьмем по всей Финляндии в аренду шары, наполненные горячим воздухом, и отправимся с попутным ветром из Котки, Хамины или откуда-нибудь с побережья. А на середине Финского залива выпустим из шаров воздух и бросимся в море!

Он нарисовал величественную картину коллективного самоубийства: вечерний бриз несет пятнадцать воздушных шаров, поднявшихся в воздух с западного побережья. В каждой гондоле стоит полдюжины жаждущих покончить с собой. Ветер несет шары к заходящему солнцу, они поднимаются выше и выше. Мрачная Финляндия со всеми своими проблемами остается позади. Вид потрясающий, ощущения неземные. Над открытым морем плывущие к смерти запевают свою последнюю песнь, она разносится над водой, звуча как ангельский хор. Из гондол пускают фейерверки, кто-то в экстазе бросается в воду. Наконец, когда горючее кончается, вся эскадра с роковым достоинством опускается в бездонную пучину. Земные страдания окончательно побеждены... Описание признали весьма поэтичным. Но такой способ самоубийства, конечно, не мог рассматриваться всерьез, потому что пришлось бы обречь на смерть безвинных капитанов воздушных шаров. И эта история наверняка положила бы конец воздухоплавательному спорту в Финляндии. В зале и кабинах начался сбор денег, в качестве ящика использовали ведро для льда. Собрали довольно много. Кое-кто, од-

нако, не постеснялся бросить мелочь. Хелена Пуусари и Релонен подсчитали добычу и пришли в изумление – 124 320 марок! Из серебряного ведерка горстями доставали купюры аж по тысяче марок и чеки (самый крупный был выписан на сумму 50 тысяч марок). Благодетелем оказался некий оленевод Уула Лисманки из заповедника Калдоайви в северном Утсйоки.

– Ну да, деньги-то нужны, чтоб такую ораву жизни лишить. В Финляндии-то все сейчас дорого, а уже тем более умереть, – объяснил он свой порыв щедрости.

В ведерке было много чеков на десять тысяч марок. Значит, не все, кто думал о самоубийстве, бедны, и не все скряги. Шел пятый час семинара; полковник предложил сделать перерыв и на собранные деньги угостить всех кофе и другими напитками. Предложение с радостью поддержали. Во время кофе-брейка полковник, Хелена Пуусари и Релонен удалились на второй этаж, чтобы обсудить ситуацию. Внизу, в зале, оставалось еще более ста самоубийц. Глаза у них горели, они, похоже, теперь крепко держались за жизнь. Пить, правда, начали так, как будто это был их последний день. Проректор Пуусари опасалась, как бы ситуация не вышла из-под контроля. Прислушавшись к голосам, доносившимся снизу, Релонен довел до сведения своих друзей, что за некоторыми столиками поговаривают о том, чтобы где-нибудь поблизости совершить массовое самоубийство сразу после окончания семинара. Тут испугался даже полковник. Может,

стоило ограничить подачу алкоголя? Пуусари возразила, что не стоит раздражать толпу, а то потом ее не удержать:

– Там сейчас такая атмосфера – несколько человек тогда точно наложат на себя руки...

У Релонена появилась идея:

– А что если не платить и потихоньку уйти? Соберем папки с материалами по семинару и смоемся куда-нибудь подальше. Деньги, конечно, заберем, ведь они принадлежат нам как организаторам семинара.

Но Кемпайнен запретил прикасаться к деньгам. Их собрали, чтобы решить проблемы самоубийц, это не гонорар для авторов идеи. Полковник заявил, что лично он не желает обкрадывать умирающих. Из зала доносились крики. Человек у микрофона держал пламенную речь, другие требовали тишины. Затем попробовали петь, и на второй этаж стали долетать плаксивые псалмы. Потом снова слышались крики – на сей раз это были требования, чтобы организаторы семинара вернулись в зал и навели порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.